

Муёлю казалось, что комната находилась в огне, раскалённая удушающая атмосфера не давала сделать вдох. Его глаза широко распахнулись. Голос внутри требовал воды, когда горло начало жечь. Он продолжал ворочаться. Его лихорадка набирала обороты, появилось головокружение. Но никто не приходил к нему на помощь.

Когда господин Чха вернулся и увидел, что Джэхун метался по полу, осёдланный младшим, схватил Муёля за шею и кинул в подвал, походивший на камеру. Если бы только тот не болел, от чего ситуацию усложнялась.

У лихорадки, от которой часто страдал Муэль, не было явных причин. Госпожа Чой, что всегда ухаживала за ним, прошла с Муэлем всевозможные медицинские тесты, который только существовали в мире, но ни один доктор так и не смог поставить конкретный диагноз. В конце концов, они заключили, что это не физическая болезнь, а то, что провоцируется психологическими проблемами. Муэль вспомнил разговор с госпожой Чой.

— Ты слишком много держишь в себе. Просто доверься бабушке, мы поищем другое лечение, хорошо? — госпожа Чой пыталась убедить внука.

— Я в полном порядке, — настаивал Муэль.

Он не хотел признавать, что с ним что-то не так. Парень жил на обезболивающих, отчаянно желая скрыть болезнь. Постоянное употребление лекарств в итоге привело к угнетению иммунной системы, и теперь ничего ему не помогало – он мог только ждать, пока лихорадка утихнет.

— Муэль, не веди себя так. Прошу...

— Ты хочешь, чтобы я признался, что у меня проблемы с психикой?

— Ты знаешь, что я не это имела в виду.

— Нет, бабушка. Этот человек не станет думать, как ты. Если я послушаю тебя и сделаю хоть шаг в сторону психбольницы, меня сразу же назовут психически больным. Ты ведь понимаешь это, да?

Услышав, что ребёнок говорит о своём отце как о незнакомце, госпожа Чой опечалилась. Она не могла вымолвить ни слова, а из глаз её хлынули слёзы:

— Но всё же, я не хочу, чтобы ты болел. Тебе же всего тринадцать лет. У тебя впереди вся жизнь, множество хороших дней...

— Ты действительно в это веришь, бабушка? Что вообще такое – хороший день? — спросил Муэль, и его слова заставили госпожу Чой разрыдаться.

Слышать, что ребёнок спрашивает, какой день считается хорошим...

Мысли Муёля вернулись в настоящее. После нескольких попыток подняться, ему наконец удалось прислониться к стене. Внезапно головокружение усилилось, Муэль застонал. Голова будто налилась свинцом и вот-вот притянет его к земле, если её не поддерживать. Он чувствовал, что смерть близко, и на секунду эта мысль принесла покой.

— Пфф, — Муэль цинично ухмыльнулся. — Ни за что. Это будет слишком несправедливо. Ради чего умирать?

— Чёрт возьми! — выпалил он уйму ругательств.

Тест на отцовство стал традицией его дня рождения. После развода госпожа Кан не приходила и даже не пыталась вести себя как мать. А госпожа Чой была единственной, кто остался и бросил силы на борьбу против монстроподобного господина Чха, хотя этих сил было недостаточно. Правителем этого замка было чудовище, а Муейль ничего не мог с этим сделать.

Усталость нахлынула на него, как цунами, а лихорадка заставляла голову пульсировать, будто на неё всё ту же стягивалась золотая корона.

Он сжал голову руками, чтобы облегчить болезненные ощущения. Муейль ждал, что боль утихнет, но она становилась всё невыносимее. Тем не менее, Муэль заставил себя держаться и сильно закусил губу, но почувствовал лишь кровь, наполнявшую рот.

«Ах, это ужасно. Что за день?» — бессильно думал он.

Ему хотелось, чтобы кто-то просто сказал, что это нормально – сдать. Что всё было бы хорошо, если бы он не смог всё это больше выносить. Потому что ему было всего лишь тринадцать. Если бы только кто-то мог это сказать, то он с удовольствием оставил своё достоинство и склонил голову перед господином Чха, словно тот не разрушал его жизнь вновь и вновь.

«Неважно. Это будет кошмаром. Мне даже не хочется называть его отцом. Мне не нравится, когда все обращают внимание на меня, когда тесты на отцовство повторяются», — размышлял он.

Муэль знал точно, о чём они думают. Эти глаза говорят:

«Сукин сын, он снова сюда пришёл. Почему он так живёт?».

«Почему я так живу? Да потому что я просто ребёнок. Я был ребёнком в прошлом году, и в этом году я всё ещё ребёнок. У меня здесь нет никакой власти», — отвечал он мысленно.

Тело его задрожало, им стал овладевать озноб от лихорадки. Горло пересохло, будто он пересёк огромную пустыню. Не зная почему, он вдруг подумал о конфетах Поганой Иён, ужасно сладких на вкус. Ему понадобился целый месяц, чтобы доесть все конфеты, которые он собрал в Белый день. Его рот наполнился слюной при одном воспоминании о сладком вкусе, что мгновенно таял на языке. Горло увлажнилось слюной, и на секунду он почувствовал себя лучше, но затем на него набросилась жажда.

— Воды... Воды... — прохрипел Муэль.

Ему хотелось пить. Хотелось плакать. Хотелось громко закричать «Воды!»

— Воды...

Он оживился, когда уловил звук глухого журчания. Муэль огляделся. Здесь где-то была вода. Но это была лишь галлюцинация. Невозможно, чтобы в подвале текла вода. Однако он продолжал слышать журчание, и его температура постепенно падала, пока он концентрировался на звуке.

Муэль сделал глубокий вдох и закрыл глаза. Звук не прекращался, и каким-то образом из невидимой дыры в подвале полилась вода, смачивая его ноги. Уровень медленно поднялся до икр. Тело понемногу стало охлаждаться. Его губы непроизвольно растянулись в улыбке.

Теперь вода подошла к его груди, заполняя весь подвал. Муэль открыл глаза и почувствовал будто находится внутри аквариума. Ему казалось, что он плывет по океану под тёмным ночным небом, в месте, где не существовали цвета и свет. Это был яркий сон.

Муэль свернулся калачиком. Это всё ему лишь снилось, но этот сон доставил ему огромное утешение. Океан идеально обнимал лихорадочное тело и охлаждал его. Муэль закрыл глаза, позволяя себе отпустить ситуацию.

Когда его глаза открылись в следующий раз, он находился в больнице, рядом с ним сидела госпожа Чой. И после этого дня Муэль начал жить вместе с ней.

<http://tl.rulate.ru/book/65700/3576347>